

Языковые средства
передачи этнокультурного диссонанса
в романе Амели Нотомб «Токийская невеста»

Ольга А. Кулагина

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, oa.kulagina@mpgu.edu*

Аннотация. Жизнь и творчество Амели Нотомб напрямую связаны с Японией и японской культурой, поэтому произведения Нотомб можно считать важными источниками знания о стране, которая на протяжении нескольких столетий оставалась закрытой для иностранцев и в настоящее время нечасто попадает в фокус внимания современных франкоязычных авторов. В частности, автобиографический роман «Токийская невеста» (“Ni d’Ève ni d’Adam”, 2007) является примером детального описания межкультурных японско-бельгийских контактов, а также поведения представителей японской лингвокультуры в повседневной жизни, которое автор имела возможность наблюдать в пору своей жизни в Японии. Целью данной статьи является анализ основных лингвистических средств репрезентации культурной инаковости и, как следствие этой инаковости, этнокультурного диссонанса в вышеупомянутом романе. Также в работе уточняются ключевые для нашего исследования понятия этнокультурного диссонанса и инаковости. Основным методом исследования является лингвостилистический и лингвокультурный анализ аутентичного художественного текста. По итогам исследования будут сформулированы выводы о специфике языкового изображения этнокультурного диссонанса и культурной инаковости в рассматриваемом романе.

Ключевые слова: языковая репрезентация, этнокультурный диссонанс, культурная инаковость, Амели Нотомб

Для цитирования: Кулагина О.А. Языковые средства передачи этнокультурного диссонанса в романе Амели Нотомб «Токийская невеста» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 217–225. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-217-225

Linguistic representation of ethnocultural dissonance in Amélie Nothomb's novel "Tokyo Fiancée"

Ol'ga A. Kulagina

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
oa.kulagina@mpgu.edu*

Abstract. The life and work of the modern Belgian writer Amélie Nothomb are directly connected with Japan and Japanese culture, so her works can be considered as important sources of knowledge about the country, which remained closed to foreigners for several centuries and does not often come into the focus of attention of modern French-speaking authors. In particular, the autobiographical novel "Tokyo Fiancée" ("Ni d'Ève ni d'Adam", 2007) is an example of a detailed description of cross-cultural Japanese-Belgian contacts, as well as the behavior of representatives of Japanese linguoculture in everyday life, which the author had the opportunity to observe during her life in Japan. The purpose of the article is to analyze the main linguistic means of representing cultural otherness and, as a consequence of that otherness, ethno-cultural dissonance in the above-mentioned novel. The paper also clarifies the key concepts of ethno-cultural dissonance and otherness. The main research methods are linguistic-stylistic and linguistic-cultural analysis of an authentic literary text. Based on the results of the research, conclusions will be formulated about the specifics in the linguistic representation of ethno-cultural dissonance and cultural otherness in the novel under analysis.

Keywords: linguistic representation, ethnocultural dissonance, cultural otherness, Amélie Nothomb

For citation: Kulagina, O.A. (2020), "Linguistic representation of ethno-cultural dissonance in Amélie Nothomb's novel 'Tokyo Fiancée'", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 217–225, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-217-225

Начиная с XVII в. и до середины XIX в. Япония находилась в изоляции от окружающего мира (в первую очередь – Европы), а ее жители почти не имели возможности контактировать с представителями иных культур. Во второй половине XIX в. коммуникация между Японией и Европой постепенно возобновляется, а в последние десятилетия японская культура демонстрирует все большую открытость Западу и даже некоторую склонность к космополитизму [Pelletier 2011]. Тем не менее для современной франкоязычной литературы японская тематика остается относительно новой сферой. Роман А. Нотомб «Токийская невеста» ("Ni d'Ève ni d'Adam", 2007) представляет собой показательный пример репрезентации инаково-

сти, т. е. свойства быть другим, отличным [Rey 2010], а также обусловленного ею этнокультурного диссонанса – коммуникативного дискомфорта, вызванного различиями в ценностях, вероисповедании, коммуникативном поведении, в том числе языковых стратегиях, принятых в контактирующих этнических и культурных общностях [Кулагина 2012]. В статье мы ставим перед собой цель рассмотреть основные языковые средства, передающие культурную инаковость и вызванный ею этнокультурный диссонанс.

Роман «Токийская невеста» повествует о реальных событиях из жизни автора. Героиня романа, бельгийка по происхождению, вновь оказавшись в Японии, где она провела свое детство, вынуждена подчиняться правилам общения, принятым в этой стране и не всегда понятным представительнице европейской культуры. При взаимодействии героини с представителями японской культуры этнокультурный диссонанс проявляется главным образом в различиях на уровне речевого поведения и этикетных норм.

Говоря о речевом поведении, отметим, что проявления этнокультурного диссонанса зачастую связаны с недостаточной языковой компетенцией представителей обеих культур. Данный фактор представляется значимым, поскольку в рамках антропоцентрического подхода, принимаемого за основу в современных лингвистике и лингвокультурологии, язык рассматривается как «неотъемлемая сущность человека» [Викулова и др. 2020, с. 32]. Так, при знакомстве героини с молодым японцем Ринри, которому она собирается давать уроки французского языка и с которым у нее впоследствии завяжутся любовные отношения, между ними происходит следующий диалог:

Je lui demandai ce qu'il aimait dans la vie. Il réfléchit très longtemps. J'aurais voulu savoir si la réflexion était de nature existentielle ou linguistique. Après de telles recherches, sa réponse me plongea dans la perplexité:

– Jouer.

Impossible de déterminer si l'obstacle avait été lexical ou philosophique. J'insistai:

– Jouer à quoi ?

Il haussa les épaules.

– Jouer.

Son attitude relevait soit d'un détachement admirable, soit d'une paresse face à l'apprentissage de ma langue colossale¹.

Я спросила у него, чем он любит заниматься. Он надолго задумался. Хотела бы я знать, была ли причина этой задумчивости экзистенциальной или лингвистической. Последовавший за этими раздумьями ответ поверг меня в недоумение:

– Играть.

Совершенно непонятно, в чем была проблема – в особенностях его философии или в нехватке слов. Я не отставала:

– Играть во что?

Он пожал плечами.

– Играть.

Его поведение явно было вызвано либо некоей восхитительной отрешенностью, либо ленью в изучении моего колоссального языка².

В приведенном примере обращает на себя внимание контекстуальная антитеза философии и лингвистики (что парадоксально, учитывая неразрывную связь между этими двумя знаниями). Отметим также мелиоративные эпитеты *un détachement admirable* («восхитительная отрешенность») и *ma langue colossale* («мой колоссальный язык»), передающие реакцию героини на проявление лингвокультурной инаковости и позволяющие говорить об относительно слабом проявлении этнокультурного диссонанса и о положительном восприятии иной культуры. Как станет ясно далее по сюжету романа, глагол «играть» в японской лингвокультуре обозначает любую деятельность, не связанную с работой, что объясняет замешательство японца, вызванное вопросом героини (р. 26).

В романе встречаются и более серьезные проявления этнокультурного диссонанса, связанного с недостаточным знанием иной лингвокультуры. Когда Ринри предлагает героине стать его женой, она, не желая вступать в официальный брак, отвечает отказом. Однако такой ответ вполне устраивает японца, который спешит поделиться новостью со своими родителями. Как оказалось, героиня не учла особенностей построения японской вопросительной фразы, из-за чего ее отрицательный ответ прозвучал для носителя японского языка как положительный. Вот как этот момент описан в романе:

Si Rinri avait interrogé de façon négative, ce qui est courant dans ce pays compliqué, j'étais cuite. Je tentai de me rappeler les règles grammaticales nippones de réponse aux questions négatives, ce qui est aussi complexe que de retenir les pas du tango. Ma cervelle épuisée n'en sortait pas et je résolus de tenter l'expérience. Je saisis la cruche de saké et demandai:

– Ne veux-tu pas encore du saké?

– Non, répondit courtoisement le jeune homme.

¹ *Nothomb A. Ni d'Ève ni d'Adam*. Paris: Albin Michel, 2007. P. 11 (далее страницы этого издания указаны в тексте в круглых скобках).

² Здесь и далее перевод наш. – О. К.

Je reposai donc la cruche inutile. Rinri parut déconcerté mais, ne voulant pas me commander, prit la cruche et se servit.

Je cachai mon visage dans mes mains. J'avais compris. Il avait dû me demander: "Ne veux-tu toujours pas m'épouser?" Et j'avais répondu à l'occidentale (p. 221–222).

Если Ринри задал мне вопрос с отрицанием, что не редкость в этой труднодостижимой стране, мне конец. Я попыталась вспомнить правила японской грамматики, действующие при ответе на отрицательные вопросы, что так же сложно, как выучить шаги танго. Моему обессиленному мозгу это оказалось не под силу, и я решила провести эксперимент. Я взяла кувшин сакэ и спросила:

– Ты не хочешь еще сакэ?

– Нет, – вежливо ответил молодой человек.

Я поставила обратно кувшин, который так и не пригодился. Ринри был явно озадачен, но, не желая мною командовать, взял кувшин и сам налил себе сакэ.

Я закрыла лицо руками. Теперь я поняла. Наверняка он спросил меня: «Ты по-прежнему не хочешь выйти за меня замуж?» А я ответила на западный манер.

В приведенном примере отметим антитезу «Япония – Запад», где Япония обозначается посредством перифразы *ce pays compliqué* («эта труднодостижимая страна»). Эффект диссонанса усиливается за счет гиперболического сравнения *ce qui est aussi complexe que de retenir les pas du tango* («что так же сложно, как выучить шаги танго»), демонстрирующего закрытость японской культуры даже для тех, кто провел в стране немалое количество времени и имеет определенные познания в японском языке.

Переходя к проявлениям инаковости в нормах этикета, заметим, что одним из показательных эпизодов является момент, когда героиня оказалась за столом с друзьями ее возлюбленного-японца. Никто из гостей не сделал попытки начать беседу, поэтому героине пришлось завести разговор на первую пришедшую ей в голову тему – о сортах пива, производимых у нее на родине. Далее автор дает пояснения на этот счет:

Les Nippons ont inventé ce métier formidable: faire la conversation. Ils ont remarqué que la plaie des dîners est ce fastidieux devoir de parole. Au Moyen Âge, lors des banquets impériaux, tout le monde se taisait et c'était très bien ainsi. Au XIXe siècle, la découverte des usages occidentaux incita les gens distingués à parler à table. Ils découvrirent aussitôt l'ennui de cet effort qui fut un temps dévolu aux geishas. Ces dernières ne tardèrent pas à se raréfier et l'ingéniosité japonaise trouva la solution en créant l'emploi de conversationneur (p. 145).

Японцы придумали великолепную профессию – вести разговор. Они заметили, что эта обременительная необходимость все время говорить только портит ужины. В средние века во время застолий при дворе императора все молчали, и это было замечательно. В XIX в. знатные люди открыли для себя западные обычаи, что побудило их вести беседы за столом. Они сразу же поняли, что это весьма утомительно, и одно время эта обязанность возлагалась на гейш. Последних со временем становилось все меньше, и изобретательные японцы нашли выход – изобрели профессию «разговорщика».

В примере обращает на себя внимание эпитет *ce métier formidable* («великолепная профессия»). Прилагательное *formidable* может иметь как положительную коннотацию, так и отрицательную, обозначая нечто, внушающее страх. Думается, что автор намеренно употребляет этот эпитет, объединяющий в себе противоположные семантические составляющие, поскольку представители этой непростой профессии действительно достойны восхищения, но в то же время эпитет *formidable* выражает растерянность героини, столкнувшейся с непривычной для нее ролью. Пейоративная оценка этой профессии японцами подчеркнута метафорой *la plaie des diners* (букв. «язва ужинов») и эпитетом *ce fastidieux devoir de parole* («эта обременительная необходимость все время говорить»). Таким образом, с точки зрения японца, беседа за столом является тяжелой обязанностью, которую лучше переложить на другого человека. Именно так поступили с героиней, привыкшей к тому, что в разговоре участвуют все присутствующие, как это принято на Западе.

Чтобы изменить положение вещей, героиня решает сосредоточиться на поданных блюдах и прекращает свою «лекцию» о бельгийском пиве:

Je décidai de faire la grève de la parole. S'ils voulaient parler, qu'ils parlent! Après ma conférence sur la bière belge, j'avais bien droit à mon repos et à mon repas. J'avais rendu mon tablier oratoire (p. 144).

Я решила объявить забастовку. Если им хочется разговаривать, пускай разговаривают! После лекции о бельгийском пиве я имела полное право на свое время отдыха и на свою порцию пищи. Я подавала в ораторскую отставку.

В примере заметен акцент, сделанный на притяжательном прилагательном *mon* («мой», «мое», «моя»), призванном подчеркнуть возмущение героини: с ее точки зрения, она имела право и на *свою*³

³ Курсив наш. – О. К.

долю отдыха и пищи, как это принято в западной культуре. Метафоры *je décidai de faire la grève de la parole* («я решила объявить забастовку») и *j'avais rendu mon tablie roratoire* («я подала в ораторскую отставку») демонстрируют инаковость героини, которая усиливается в следующем эпизоде:

Ce fut alors que Hara me dit cette chose incroyable:

– Donc, vous en étiez à la bière-vin.

Ma cuiller s'immobilisa dans les airs et je compris: on m'intimait de reprendre ma conférence (p. 144–145).

И тут Хара произнес невероятное:

– Итак, вы остановились на винном пиве.

Моя ложка застыла в воздухе, и я поняла: мне было предписано продолжить лекцию.

В самом деле, для представительницы европейской культуры подобная реплика выглядит невероятной, и употребление гиперболического эпитета *cette chose incroyable* (букв. «эта невероятная вещь») вполне оправданно. Однако японцы от ее молчания почувствовали себя ущемленными и решили восстановить справедливость. Характерно, что побуждение продолжить «лекцию» автор передает глаголом *intimer*, который часто употребляется в юридических текстах и обозначает судебное предписание. В глазах представителей японской культуры эта просьба выглядит логичной попыткой отстоять свое законное право – в данном случае право на «лекцию», читаемую ради развлечения гостей.

Приведем другой пример, иллюстрирующий различия в правилах этикета. Речь идет об эпизоде, когда Ринри знакомит героиню со своими бабушкой и дедушкой:

Il poussa un cri et je vis jaillir, tels deux diables d'une boîte, un vieux et une vieille qui hurlèrent de rire et redoublèrent d'hilarité à ma vue.

– Sensei, je vous présente ma grand-mère et mon grand-père.

– Sensei! Sensei! glapirent les vieillards qui semblaient penser que j'avais autant l'air d'un professeur que d'un trombone à coulisse.

– Madame, Monsieur, bonjour...

Le moindre de mes mots, de mes gestes les faisait rigoler jusqu'à la démence. Ils grimaçaient, tapaient sur le dos de leur petit-fils, puis sur le mien, buvaient le thé dans ma tasse. La vieille toucha mon front, cria: «Que c'est blanc!» et s'écroula de rire, imitée par son mari (p. 34–35).

Он вскрикнул, и я увидела, как перед нами выскочили, словно двое чертей из табакерки, старик и старуха, которые заходились от смеха и развеселились еще больше при виде меня.

- Учитель, представляю вам мою бабушку и моего дедушку.
- Учитель, учитель! – завизжали старики, которым явно казалось, что с учителем у меня столько же общего, сколько с зажимом для бумаги.
- Здравствуйте, госпожа, господин...

Любое мое слово или движение вызывали у них новый приступ оглушительного хохота. Они строили рожи, хлопали по спине сначала своего внука, потом меня, отпивали чай из моей чашки. Старуха потрогала мой лоб, крикнула «Какой белый!» и покатила со смеху, а за ней и ее муж.

В примере мы видим сразу несколько элементов лексического поля «смех»: *rire* («смеяться»), *hilarité* («веселье»), *rigoler* («хохотать»), а также градацию *Ils grimaçaient, tapaient sur le dos de leur petit-fils, puis sur le mien, buvaient le thé dans ma tasse* («Они строили рожи, хлопали по спине сначала своего внука, потом меня, отпивали чай из моей чашки»), которая показывает действия, неприемлемые для представителя европейской культуры, но привычные для японца. Как потом узнает героиня, после многих лет строгого самоконтроля, которого придерживаются японцы в течение всей жизни, в пожилом возрасте они расслабляются и начинают позволять себе то, чего никогда не позволили бы в молодости (р. 37). Это проявление инаковости японской культуры по отношению к европейской становится дополнительным фактором этнокультурного диссонанса для героини.

Подводя итог, подчеркнем, что этнокультурный диссонанс в романе «Токийская невеста» обусловлен культурной инаковостью, в первую очередь – в сфере речевого поведения и этикета, где герои демонстрируют недостаточное знание иной лингвокультуры. Этнокультурный диссонанс передается автором при помощи таких стилистических средств, как эпитеты с положительной и отрицательной коннотацией, гиперболы, развернутые сравнения, градации и антитезы.

Литература

Викулова и др. – Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Вострикова О.В., Герасимова С.А. Лексемы *identité* / *идентичность* как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2 (831). С. 30–42.

- Кулагина 2012 – *Кулагина О.А.* Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Pelletier 2011 – *Pelletier Ph.* L'Extrême-Orient: L'invention d'une histoire et d'une géographie. Paris: Gallimard, 2011. 854 p.
- Rey 2010 – *Rey J.-F.* Altérité // Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles [sous la dir. de G. Ferréol et G. Jucquois]. Paris: Armand Colin, 2010. P. 4–7.

References

- Kulagina, O.A. (2012), *Language portrait of the “stranger” as a way to translate ethnocultural dissonance in the French language*, PhD dissertation, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.
- Pelletier, Ph. (2011), *L'Extrême-Orient: L'invention d'une histoire et d'une géographie* [The Far East: The Invention of History and Geography], Gallimard, Paris, France.
- Rey, J.-F. (2010), “Otherness”, Ferréol G. and Jusquois G. (eds.), *Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles* [Dictionary of Otherness and Crosscultural Relations], Armand Colin, Paris, France, pp. 4–7.
- Vikulova, L.G., Serebrennikova, E.F., Vostrikova, O.V. and Gerasimova, S.A. (2020), “Lexemes *Identité / Identity* as Elements of the Human and Language Universes. Ethnosemiometric and Axiological Aspects of Interpretation”, *Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities*, no. 2 (831), pp. 30–42.

Информация об авторе

Ольга А. Кулагина, кандидат филологических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; oa.kulagina@mpgu.edu

Information about the author

Ol'ga A. Kulagina, Cand. of Sci. (Philology), Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991; oa.kulagina@mpgu.edu